

СЕЦЕССИИ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ: ТЕКУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕБАТОВ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Фадеева Екатерина Валерьевна

старший преподаватель, Филиал ФГБОУ высшего образования «Университет «Дубна» -
Дмитровский институт непрерывного образования, РФ, г. Дмитров

SECESSIONS AS A FACTOR OF TERRITORIAL CONFLICTS: CURRENT LINES OF DEBATES IN WESTERN POLITICAL SCIENCE

Ekaterina Fadeeva

*Senior lecturer, State University "Dubna" – Dmitrov Institute of Continuing Education, Russia,
Dmitrov*

Аннотация. В работе на основе изучения ряда академических публикаций даётся оценка текущему состоянию и основным направлениям дебатов в западной политической науке относительно роли сецессий в возникновении, распространении и разрешении территориальных конфликтов и в повышении уровня конфликтогенности международной системы в целом. Проведённый обзор показал, что при всей поддержке демократических процессов и самоопределения наций в западной политической науке сецессионизм как явление получает смешанные оценки и не считается основным способом преодоления социокультурных и политических конфликтов. При определённых условиях допускается, что сецессия может привести к урегулированию конфликта и последующей стабилизации, однако универсальным рецептом она не является. Ключевым таким условием считается сохранение прежних административных границ.

Abstract. Basing on exploring a range of key academic publications the paper assesses the current state and main lines of debates in the Western political science regarding the role of secession in emerging, expansion and resolution of territorial conflicts and in raising the level of conflict-generating ability the international system as a whole. The review demonstrated that although democratic processes and self-determination gain overall approval, the appreciation of secessionism in the Western political science as such is mixed and ambivalent. It is not considered principal way of overcoming sociocultural and political conflicts. Under certain conditions that are yet to be defined secession may lead to conflict resolution and further stabilization but I cannot be deemed a universal scenario. The most significant among such conditions scholars tend to view preservation of previous administrative borders.

Ключевые слова: сецессия; территориальный конфликт; разделение; автономия; стабилизация; административные границы.

Keywords: secession; territorial conflict; partition; autonomy; stabilization; administrative borders.

В мировой науке под сецессией понимается процесс отделения и выхода из состава государства какой-либо его части с последующим созданием нового государства на отделившейся территории [1, с. 1].

По существу, сецессия является результатом территориализации внутреннего социокультурного конфликта в материнском государстве, когда между конфликтующими социальными группами возникает территориальное разграничение, делающее возможным выделение одной из групп в качестве доминирующей на какой-то части территории материнского государства. Благодаря этому внутренний политический конфликт вокруг устройства и механизма управления материнского государства превращается во внутренний территориальный конфликт, одним из возможных следствий которого выступает сецессия. Однако далеко не всегда сецессия становится финальной точкой такого конфликта, поскольку принципы и масштабы размежевания продолжают оспариваться сторонами. Поэтому нередко сецессия пролагает путь новым, уже межгосударственным территориальным спорам.

Это порождает важную научную и практическую проблему роли сецессий в возникновении, распространении и разрешении территориальных конфликтов и, как результат, в повышении уровня конфликтогенности международной системы в целом.

Снижает ли сецессия накопившуюся к её моменту конфликтность или, наоборот, стимулирует её дальнейшее нарастание?

Уже исходя из приведённого описания можно понять, что данная проблема содержит в себе два исследовательских вопроса: первый – насколько эффективна сецессия в качестве способа разрешения первоначального внутреннего конфликта, и второй – насколько и при каких условиях сецессия способна обеспечить стабилизацию дальнейшего политического контекста после своего осуществления.

В данной работе проведён обзор ключевых западных академических публикаций, посвящённых указанной проблеме, с целью дать оценку текущему состоянию академической дискуссии и её ведущим направлениям в одной из важнейших областей практической международной политики.

После 1945 г. количество сецессий в мире значительно возросло, причём большинство из них, как показывает исследование Р. Гриффитса [2], носило мирный характер. Однако при такой «разрешительной» политической практике научный взгляд на сецессию как способ разрешения внутренних конфликтов остаётся весьма скептическим.

Фундаментальной трудностью, стоящей на пути сецессии, является предельная сложность разделения расходящихся общностей и установления границ между ними в случае смешанного проживания и/или неустойчивой идентичности, что приводит к «неразделимости» спорных территорий и заставляет некоторых исследователей выступать как последовательные противники сецессий [3, с. 842].

К примеру, С. Смуха и Т. Ханф [4] допускают разделение государства для разрешения проблемы несовместимости антагонистических национальных проектов, но только если у сецессии есть чёткая территориальная база, а затраты на перемещение населения за пределами этой базы не будут чрезмерными. Во всех других случаях решение подобных противоречий они видят в установлении приемлемой формы демократического правления с учётом интересов всех значимых социальных групп.

Особенно конфликтогенной сецессия становится в ситуации, когда в материнском государстве присутствует несколько групп, стремящихся к политическому обособлению. В этих случаях, как показало исследование Б. Уолтер, неуступчивость центральных правительств в ответ на попытку сецессии вызвана не только ценностью для остаточного государства самой по себе провинции, претендующей на сецессию, но и опасениями «эффекта домино» в виде других попыток сецессий; поэтому центральное правительство более склонно удерживать мятежную провинцию военной силой, если есть другие возможные претенденты на отделение [5].

Более жизнеспособной для урегулирования внутренних этнополитических конфликтов с

территориальным аспектом некоторые учёные считают модель автономизации без сецессии. Уже упоминавшийся авторитетный исследователь данной тематики Р. Гриффитс доказывает, что упредительное предоставление особого административного статуса потенциальным сепаратистским регионам является более оптимальной опцией как с точки зрения материнского государства, получающего возможность таким образом манипулировать юридическими и фактическими преимуществами подобного статуса для смягчения сецессионных требований, так и с точки зрения самих этих регионов [6].

Аргументам Гриффитса возражает работа Седермана и др. [7], где утверждается, что децентрализация и предоставление автономии вполне может иметь умиротворяющее действие, если только не слишком запоздали, а именно там, где конфликт с использованием насилия ещё не разгорелся. Если же конфликт уже разгорелся, то децентрализация и автономизация будут способствовать восстановлению единой страны только в сочетании с разделением центральной власти между представителями различных общностей, так как насилие, проявленное во время конфликта, значительно подрывает доверие и способствует поляризации и радикализации общественных настроений.

С точки зрения стабильности международной системы, сецессии и произвольные разделы территорий расцениваются в статье Дж. Фирона как нежелательные и подрывающие негласный, но относительно стабильный консенсус между великими державами об отказе от силового изменения межгосударственных границ [8].

Рассматривая сецессии с точки зрения международного права, греческие исследователи Т. Христакис и А. Константиnidис доказывают, что односторонние сецессии, провозглашённые «явочным порядком» и в результате вооружённой борьбы, являются нарушениями международного права и не должны признаваться международным сообществом [9].

Допустимыми могут считаться только мирные сецессии, оформленных договорным образом и с прямым, явно выраженным согласием материнского государства.

В отношении стабилизации политического контекста после осуществления сецессии позиции учёных тоже разнятся.

Крайне негативно последствия сецессии представляет С. Уотерман [10], утверждающий, что вместо того, чтобы принести мир, разделы и сецессии, приводя к созданию новых суверенных государств, могут «не только повысить напряжённость между сторонами, но и значительно усугубить масштаб любого будущего конфликта» [10, с. 351].

Более подробно и с опорой на статистическую базу случаев сецессий с конца XIX века изучает данный вопрос Я. Тир [11; 12]. Он показывает, что вызванные сецессиями территориальные споры обычно не являются суперконфликтными, поэтому абсолютный отказ от сецессии как способа преодоления разногласий при невозможности жить в одном государстве неправомерен.

Из 44 исследованных им сецессий 88-89% спровоцировали территориальные споры, однако только 15 (38% из «спорящих») государственных пар эскалировали территориальный спор до военного конфликта [12, с. 312]. Поэтому неверно говорить, что сама по себе сецессия обязательно вызывает территориальный спор в силу невозможности провести границу между расходящимися общностями.

Однако этнические причины вызывают более ожесточённые войны, чем экономическое или стратегическое значение территории, поэтому наиболее проблематичны те сецессии, которые оставляют споры по территориям с неосязаемой ценностью, что не даёт почвы для компромисса и компенсаций [12, с. 314-316]. Автор заключает, что опасность территориальных споров определяется не тем, образованы ли они сецессией, а другими факторами, поэтому сецессию не стоит исключать из рассмотрения как вариант решения, а если этот вариант выбран, то проводить сецессии следует мирным путём для снижения вероятности последующих конфликтов.

Отсутствие однозначного ответа на вопрос о конфликтогенности сецессий направило дальнейшие исследования в русло определения условий и критериев, при которых сецессия не оказывает дестабилизирующего влияния. Одним из ключевых таких условий выступает адекватность и приемлемость постсецессионных межгосударственных границ. В отличие от «застарелых» территориальных споров между давно существующими государствами, вновь возникающие границы не имеют дополнительного исторического обоснования либо обоснования через сохранение статус-кво, а зачастую вообще не делимитированы.

Кроме того, сецессии чаще всего сопряжены с территориальными конфликтами, которые вызваны «притязаниями, обусловленными идентичностью», поскольку значительные этнические меньшинства при разделении государств оказываются за пределами своих титульных единиц.

Для решения конфликтов такого плана предлагаются различные подходы – от проведения новых границ по естественным географическим рубежам либо в зависимости от воли большинства населения до закрепления любых, в том числе случайных, границ и депортаций нетитульного населения [13, с. 126-130]. Так, сторонник сецессий К. Кауфман считает, что после насильственной сецессии и перемещений населения по своим «национальным квартирам» уже не останется поводов для дальнейших претензий и новых войн [14; 15]. Похожий тезис выдвигают Дж. и Б.С. Тулберги, предлагающие насильственное перемещение населения после референдума для достижения однородности населения разных территорий [16].

Изучение конфликтогенности постсецессионных границ некоторыми исследователями привело к неожиданным выводам, противоречащим доминирующему представлению о большей стабильности мирных, договорных сецессий.

Так, С. Куакенбуш придерживается мнения, что навязанные односторонние решения, в отличие от компромиссных, более стабильны в том плане, что не приводят к рецидиву конфликта, поскольку в этом случае остаётся принуждать к соблюдению нового статус-кво только одну сторону, а не две [17].

Более чётко эмпирические закономерности такого рода сформулировал в своей монографии один из наиболее авторитетных специалистов по территориальным конфликтам Дж. Васкес:

«Границы, особенно между равными, созданные с помощью вооружённой силы, с гораздо большей вероятностью приведут к периодическим кризисам и войнам, чем границы, установленные путём переговоров, взаимного примирения или соглашения», но, в то же время, «существует криволинейная зависимость между тем, как установлены границы, повторением споров. Установление границ через подавляющую военную победу и либо без перехода к войне, как правило, ассоциируется с относительным миром. Война, которая не приводит к подавляющей победе, обычно ассоциируется со страданиями от повторяющихся споров и войн» [18, с. 161].

Тем не менее, подобные радикальные мнения не нашли широкого распространения в западной науке, в отличие от позиции о предпочтительности разделения стран или сецессии отдельных регионов по действующим административным границам.

Этот тезис был выдвинут в середине 90-х в статье того же Дж. Васкеса [19], одобрительно отозвавшемся о решении Организации Африканского Единства и Содружества Независимых Государств зафиксировать границы, определённые в колониальную и советскую эпоху, соответственно. Однако наиболее последовательно эта позиция была аргументирована в 2011 г. в работе Д. Картера и К. Гоманса [20], где на базе анализа совокупности всех сецессий и трансферов территорий в XX веке доказывается, что границы, проведенные вдоль ранее существовавших внутренних или внешних административных границ, будут провоцировать меньше территориальных споров в будущем и гораздо меньший риск военизированной конфронтации, если возникнет спор. Нужно отметить, что в данной работе исследуется влияние принципа установления новых границ на возникновение или эскалацию исключительно межгосударственных конфликтов, тогда как внутренние для новосозданных государств конфликты в выборке не учитываются.

Кроме того, авторы критикуют традиционную литературу о конфликтах за призывы разделять границами «несовместимые» группы или проводить новые границы по легко защищаемым (естественным) преградам, потому что на практике разделить несовместимые общности бывает очень трудно [20, с. 278]. В то же время, трудность раздела несовместимых общностей, хотя часто и бывает велика, не всегда бесконечна, тогда как трудности, связанные с удержанием нерелевантных административных границ, могут превышать трудности разделения общностей. Например, в другой работе одного из авторов [21] упоминается, что более слабое государство, у которого могут отобрать некую территорию, часто прибегает к консолидации этой территории – изменению военного, экономического или политического статус-кво на оспариваемой территории, которое существенно затруднит для более сильной стороны завоевание этой территории.

Так, Вьетнам изгнал из своих северных районов 200 000 этнических китайцев, что позволило ему сдержать китайское наступление в конце 70-х. То есть, сами же авторы знают о том, что изгнание этнических меньшинств – частая практика территориального поведения, допускают изгнание этнических меньшинств для сохранения текущих границ, но отрицают разделение и переселение этносов при уточнении новых границ, в основном отвечающих имеющемуся распределению этносов, и утверждают, что

«границы, проведенные по линиям общей культуры или национализма, вряд ли будут предупреждать повторное возникновение территориальных споров и международных конфликтов. Так как такие границы не решают, но, возможно, иногда даже усугубляют международные конфликты, мы ожидаем, что они редко будут приниматься и реализовываться заботящимися государствами и международным сообществом» [20, с. 280].

Работе присущи и другие методологические изъяны. Так, авторы заявляют, что в большинстве случаев использовались административные границы, и тогда обычно конфликтов не возникало, а если использовались не административные, то возникали.

Но при этом игнорируется элементарное объяснение, что к выбору административных границ или предпочтению другого принципа может привести другая причина, которая одновременно не провоцирует конфликты в первом случае или провоцирует во втором.

Например, административные границы могли совпадать с границами этносов или были результатом оппортунистического поведения лидера одной из сторон, действовавшего в ущерб своей республике.

В первом случае проблемы несоответствия этнических и государственных границ нет изначально (разделение Чехословакии, Норвегии и Швеции), во втором нетитульный этнос подавляется и изгоняется при одобрении властей соседа, очевидного конфликта нет, несмотря на возможные страдания миллионов людей (изгнание русских беженцев из республик СССР и притеснение русской культуры). И наоборот, к отказу от административных границ могло вести не волюнтаристское нежелание злонамеренных лидеров передвинуть эти границы, а объективная невозможность следовать административным границам ввиду полной нерелевантности административных границ, и тогда попытка расчленения страны по этим границам приводит к конфликту (случай Югославии).

В последующих работах авторы развили свою позицию, дополнив её аргументом о том, что сохранение прежних административных границ позволяет быстрее наладить институциональную координацию между новыми акторами, поэтому стабилизация таких границ происходит намного оперативнее, нежели в случае применения других принципов их проведения [22].

Подводя итог проведённому обзору, следует подчеркнуть, что при всей поддержке демократических процессов и самоопределения наций в западной политической науке сецессионизм как явление получает смешанные оценки и не считается основным способом преодоления социокультурных конфликтов. При определённых условиях, вокруг которых уже не одно десятилетие ведётся активная дискуссия, допускается, что сецессия может привести к урегулированию и последующей стабилизации, однако универсальным рецептом она не

является. В то же время, исследованием корреляции между сепаратизмом и общей конфликтностью международной системы в макромасштабе западные учёные не занимались.

Точка зрения относительно предпочтительности сохранения административных границ продвигается рядом исследователей как самоочевидная и бесспорная данность, хотя в этом явно прослеживается влияние политической конъюнктуры и стремления обосновать желательность опции, принятой в результате политико-нормативного консенсуса, а не объективного поиска лучшего варианта.

Императив к минимизации территориальных переделов, заданный ещё после Второй мировой войны, продолжает довлеть не только над международной практикой, но и над международно-политической наукой. Тем не менее, события последних лет всё больше ставят этот императив под сомнение и демонстрируют давно назревшую необходимость формирования новых механизмов территориального разграничения, способных учесть как текущее положение в настоящий момент, так и вероятную его трансформацию в среднесрочной перспективе.

Список литературы:

1. Pavković A., Radan P. Creating new states : theory and practice of secession. Aldershot: Ashgate, 2007. 277 p.
2. Griffiths R. Secession and the invisible hand of the international system // Review of International Studies. 2014. Vol. 40, No. 3. P. 559-581.
3. Jeffrey A. Writing territorial conflict // Review of International Political Economy. 2006. Vol. 13, No. 5. P. 830-845.
4. Smooha S., Hanf T. The diverse modes of conflict regulation in deeply-divided societies // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33, No. 1-2. P. 26-47.
5. Walter B.F. Explaining the Intractability of Territorial Conflict // International Studies Review. 2003. Vol. 5, No. 4. P. 137-153.
6. Griffiths R. Between Dissolution and Blood: How Administrative Lines and Categories Shape Secessionist Outcomes // International Organization. Vol. 69, No. 3. P. 731-751.
7. Cederman L.E. Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? / Lars-Erik Cederman, Simon Hug, Andreas Schadel, Julian Wucherpfennig // American Political Science Review. May 2015. Vol. 109, No. 2. P. 354-370.
8. Fearon J. D. Separatist Wars, Partition, and World Order // Security Studies. 2004. Vol. 13, No. 4. P. 394-415.
9. Christakis Th., Constantinides A. Territorial disputes in the context of secessionist conflicts // Research Handbook on Territorial Disputes in International Law / M. G. Kohen, M. Hébié (eds.). London: Edward Elgar Publishing Limited, 2018. P. 343-395.
10. Waterman S. Partition, secession and peace in our time // GeoJournal. 1996. Vol. 39, No. 4. P. 345-352.
11. Tir J. Keeping the Peace after Secession: Territorial Conflicts Between Rump and Secessionist States // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49, No. 5. P. 713-741.
12. Tir J. Domestic-Level Territorial Disputes: Conflict Management via Secession // Conflict Management and Peace Science. 2006. Vol. 23, No. 4. P. 309-328.
13. Tir J., Vasquez J. A. Territory and Geography // Guide to the Scientific Study of International

Processes / Sara McLaughlin Mitchell, Paul F. Diehl, and James D. Morrow (eds.). London: Wiley-Blackwell, 2012. P. 115-134.

14. Kaufmann C. Possible and impossible solutions to ethnic civil wars // International Security. 1996. Vol. 20, No. 4. P. 136-175.

15. Kaufmann C. When all else fails: Ethnic population transfers and partitions in the twentieth century // International Security. 1998. Vol. 23, No. 2. P. 120-156.

16. Tullberg J., Tullberg B. S. Separation or unity? A model for solving ethnic conflicts // Politics and the Life Sciences. 1997. Vol. 16, No. 2. P. 237-248.

17. Quackenbush S.L. Territorial Issues and Recurrent Conflict // Conflict Management and Peace Science. 2010. Vol. 27, No. 3. P. 239-252.

18. Vazquez J.A. The War Puzzle revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 507 p.

19. Vasquez. Why Do Neighbors Fight? Proximity, Interaction, or Territoriality // Journal of Peace Research. August 1995. Vol. 32, No. 3. P. 277-293.

20. Carter D. B., Goemans H. E. The Making of the Territorial Order: New Borders and the Emergence of Interstate Conflict // International Organization. 2011. Vol. 65, No. 2. P. 275-309.

21. Carter D. B. The Strategy of Territorial Conflict // American Journal of Political Science. October 2010. Vol. 54, No. 4. P. 969-987.

22. Carter D. B., Goemans H. E. The temporal dynamics of new international borders // Conflict Management and Peace Science. 2014. Vol. 31, No. 3. P. 285-302.